

УДК 343.125

**ПРАКТИКА ПРИНЯТИЯ СУДАМИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ДРУГИХ СТРАН
РЕШЕНИЙ О МЕРЕ ПРЕСЕЧЕНИЯ
В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ
И ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ****Александр Сергеевич Каретников*, Сергей Александрович Коретников****

* Волжский, Россия, karetnikovas@mail.ru

** Московская центральная коллегия адвокатов, Москва, Россия, koretsergei@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются статистические данные, которые иллюстрируют практику принятия на стадии предварительного расследования решений об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и производстве следственных действий, затрагивающих основные права личности, в Российской Федерации, ряде других бывших союзных республик, Франции и Австрии. Обосновывается вывод о том, что во всех этих странах показатели, отражающие соотношение между числом рассмотренных и удовлетворенных ходатайств должностных лиц органов расследования идентичны независимо от того, кто принимает решение об этих мерах и действиях (судья общей юрисдикции, следственный судья, судья по свободам и заключению, судья по правам человека), а законодательными маневрами в виде передачи рассмотренных полномочий от одного судьи другому достичь цели сокращения практики подавляющего удовлетворения ходатайств органов предварительного расследования не удалось законодателю ни одной из указанных в статье стран. Факт этот наглядно свидетельствует о нецелесообразности введения в российский уголовный процесс института следственных судей.

Ключевые слова: суд, прокурор, следователь, следственный судья, судья по свободам и заключению, следственные действия, заключение под стражу

Для цитирования: Каретников А. С., Коретников С. А. Практика принятия судами Российской Федерации и других стран решений о мере пресечения в виде заключения под стражу и производстве следственных действий // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 1 (72). С. 89—98.

**THE PRACTICE OF DECISION-MAKING
ON PREVENTIVE MEASURES IN THE FORM
OF INCARCERATION AND INVESTIGATIVE ACTIONS
BY THE COURTS OF THE RUSSIAN FEDERATION
AND OTHER COUNTRIES****Alexander Sergeevich Karetnikov*, Sergey Alexandrovich Koretnikov****

* Volzhsky, Russia, karetnikovas@mail.ru

** Moscow central bar association, Moscow, Russia, koretsergei@mail.ru

Abstract. In the article the author analyses the statistical data that illustrate the practice of decision-making to choose a preventive measure in the form of incarceration and investigative actions at the stage of preliminary investigation that affect the fundamental rights of the personality in the Russian Federation, in a number of other former Soviet republics, France and Austria. The author gives grounds for the conclusion that in all these countries the indicators reflecting the correlation between the number of the considered and accepted petitions of investigative officials are identical no matter who makes the decision on these measures and actions (a judge of general jurisdiction, an investigating judge, a judge for liberties and imprisonment, a judge for human rights), and none of the legislator of any of the countries mentioned in the article has not succeeded to achieve the goal of reducing the practice of most accepted petitions of preliminary investigation bodies with the help of legislative maneuvers in the form of transferring the considered powers from one judge to another. This fact clearly demonstrates the inappropriateness of introducing the institution of investigative judges into Russian criminal proceedings.

Keywords: court, a prosecutor, an investigator, an investigating judge, a judge for liberties and imprisonment, investigative procedures, incarceration

For citation: Karetnikov A. S., Koretnikov S. A. The practice of decision-making on preventive measures in the form of incarceration and investigative actions by the courts of the Russian Federation and other countries. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 89—98, 2025. (In Russ.).

После принятия Концепции судебной реформы, в период подготовки Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ, далее — УПК РФ) и в первые годы его действия, значительное число научных работ (диссертаций, монографий, статей) посвящалось досудебным полномочиям суда. Содержание исследований отражало искреннюю убежденность их авторов в способности суда изменить в лучшую сторону сложившийся при прокурорском санкционировании уровень ограничения следственными органами прав лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, и других участников досудебных стадий. Уверенность эта основывалась на постулате: только независимый и беспристрастный орган, каким является суд, способен быть надежной гарантией соблюдения основных прав, а не прокурор. Недаром профессор И. Л. Петрухин наделяние суда досудебными полномочиями считал «украшением судебной реформы» [1, с. 91].

Однако практика, как критерий истины, опровергла эти надежды.

В первые месяцы после вступления УПК РФ в силу число обращений в суды органов предварительного расследования с ходатайствами об избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения было незначительным, но продолжалось это короткий промежуток времени. К концу 2002 г. постепенно стало возрастать количество поступающих в суд ходатайств и положительных решений, принимаемых судами по ним. Уже в 2003 г. судами было рассмотрено 231 149 ходатайств об избрании меры пресечения в виде содержания под стражей, из них удовлетворено 211 526 (91,5 %), в 2004 г. 207 024 (90,8 %) из 228 000, в 2005 г. 259 578 (91,4 %) из 284 200, в 2006 г. удовлетворено 248 608 (91,4 %) из 272 000 заявленных ходатайств. А ходатайства о производстве отдельных следственных действий удовлетворялись от 95 до 99 %¹. И эти показатели (с минимальными

отклонениями от 0,5 до 2 % в ту или иную сторону) остаются неизменными до настоящего времени².

Сложившаяся ситуация произвела эффект «ушата холодной воды» на всех, кто ожидал совсем иного от судебного порядка принятия решения о заключении под стражу и производстве следственных действий. За подавляющее удовлетворение ходатайств органов предварительного расследования в адрес судей за два десятилетия со стороны представителей исполнительной, законодательной ветви власти, руководства Верховного Суда Российской Федерации, представителей науки было высказано немало критических замечаний и упреков. В целях минимизации практики применения ареста законодателем принимались дополнения норм УПК РФ, расширяющие список мер пресечения, альтернативных заключению под стражу; ограничивающие или запрещающие применение ареста в отношении отдельных категорий подозреваемых (обвиняемых) или лиц, совершивших отдельные виды преступлений. В этих же целях и для единообразия судебной практики Пленумом Верховного Суда Российской Федерации было принято несколько постановлений по вопросам применения самой строгой меры пресечения. Уже к 2010 г. стало ясно, что ни критика, ни дополнения закона, ни постановления высшего судебного органа не способны изменить сложившуюся практику подавляющего удовлетворения судами ходатайств органов предварительного расследования. Н. Н. Ковтун, как последовательный сторонник судебного контроля, был вынужден признать, что «...оперативный судебный контроль, реализуемый на досудебном этапе, не стал надежной процессуальной гарантией обеспечения

¹ См.: Отчет о рассмотрении судами уголовных дел по первой инстанции за указанные годы. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 10.09.2023).

² В 2023 г. судами было удовлетворено 88 % ходатайств о заключении под стражу, 95 % ходатайств о контроле и записи телефонных переговоров, 96 % ходатайств о производстве выемки вещей, заложенных или сданных на хранение в ломбард, 97 % ходатайств о наложении ареста на почтово-телеграфные отправления и такой же процент удовлетворения ходатайств по другим следственным действиям (см.: Судебная статистика РФ. URL: <https://stat.api-пресс.рф/stats/ug/t/15/s/13> (дата обращения: 02.12.2024)).

прав, свобод и законных интересов личности в уголовном процессе» [2, с. 68].

С осознанием этой действительности в юридическом сообществе возрос интерес к идее введения в уголовный процесс судьи, специализирующегося на досудебном производстве, выдвинутой еще до принятия УПК РФ А. В. Смирновым [3], который, как показало время, и стал одним из самых активных сторонников ее реализации. Необходимость введения такого института рассматривалась в научных исследованиях Н. Г. Муратовой, Н. Н. Ковтуна и других авторов.

14 октября 2014 г. вопрос о введении института следственного судьи был поднят перед Президентом Российской Федерации В. В. Путиным на заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека. Президент дал поручение Верховному суду Российской Федерации обсудить вопрос о целесообразности реализации этого предложения до 15 марта 2015 г.¹ После этого на страницах печати и в социальных сетях Интернета по вопросу целесообразности введения этого института в уголовный процесс развернулась дискуссия, остроте которой способствовали появившиеся в публичном пространстве концепции «О компетенции и порядке формирования института следственных судей в Российской Федерации», разработанной Постоянной комиссией по гражданскому участию и правовой реформе Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека под руководством Т. Г. Морщаковой, и «Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе», разработанной советником Конституционного Суда Российской Федерации А. В. Смирновым, а затем и проект федерального закона «О следственных судьях в Российской Федерации». Анализ аргументов авторов, высказавшихся в ходе этой дискуссии за и против введения института следственных судей, не входит в нашу задачу, к тому же он с достаточной полнотой сделан в статьях Т. Я. Рябиной [4] и Ю. Г. Овчинникова [5]. Лишь заметим, что к 2019 г. дискуссия стала утихать, и все указывало на то, что ее исход был не в пользу сторонников введения рассматриваемого института в уголовный процесс. Однако

¹ См.: Перечень поручений Президента Российской Федерации по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека от 14 декабря 2014 г. URL: <http://www.president-sovet.ru/upload/iblock/391/ubddu970p35o47tvsitt0kh48sh082l.pdf> (дата обращения: 11.11.2024).

10 декабря 2019 г. этот вопрос вновь был поднят на встрече Президента В. В. Путина с членами Совета по правам человека. Президент поручил Верховному суду Российской Федерации до 1 июня 2020 г. рассмотреть вопрос о целесообразности введения института следственного судьи и внести по нему соответствующие предложения². 10 декабря 2020 г. член Совета по правам человека Е. Мысловский в своем выступлении посетовал на то, что предложения по введению следственного судьи так и не вышли за рамки юридических дискуссий. В своем ответном слове Президент В. В. Путин поставил под сомнение способность следственного судьи стать панацеей от негативных явлений в сфере предварительного расследования³. Кажется, что вопрос о следственных судьях закрыт. Однако в научных исследованиях идея о нем продолжает жить [6—8], потому авторы настоящей статьи сочли необходимым на основе анализа результатов практики следственных судей, действующих в странах, в которых они введены в уголовный процесс, показать иллюзорность надежд, возлагаемых на них их сторонниками.

Из бывших союзных республик первыми следственных судей ввели в уголовный процесс законодатель Литвы (2001 г.) и Эстонии (2003 г.).

Следует заметить, что статистических данных, отражающих деятельность этих судей, в открытом доступе нет, они могут быть предоставлены только по запросам исследователей. В Литве исследование практики применения ареста в качестве меры пресечения в 2015 г. провел Институт мониторинга прав человека. Анализу подвергались данные, предоставленные Национальным управлением судебной администрации за период с 2010 по 2014 г., за более ранние периоды сведения не были представлены из-за их отсутствия. Результаты представлены в виде отчета «Содержание под стражей в Литве»⁴. Исследование показало,

² См.: Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека и встречи с уполномоченными по правам человека. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/62700> (дата обращения: 05.11.2024).

³ См.: Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека 10 декабря 2020 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64638> (дата обращения: 05.11.2024).

⁴ См.: Suémimo taikymas Lietuvoje Tyrimo ataskaita 2015. Žmogaus teisių stebėjimo institutas, Leidykla „Eugrimas“, 2015. URL: <https://www.fairtrials.org/app/uploads/2022/01/Suemimo-taikymas-Lietuvoje-2015.pdf> (дата обращения: 08.11.2024).

что в 2010 г. следственными судьями было удовлетворено 4 263 (96,27 %) из 4 428, в 2011 г. — 5 120 (95,42 %) из 5 366, в 2012 г. — 4 981 (95,07 %) из 5 239, в 2013 г. — 4 556 (95,33 %) из 4 779, в 2014 г. — 3 838 (95,54 %) из 4 017 ходатайств прокурора об аресте. В отчетах этого института, посвященных соблюдению прав человека в республике, за 2016—2017 гг., за 2018—2019 гг., за 2020—2021 гг. отмечается, что судьи по следствию удовлетворяли и в эти годы свыше 95 % ходатайств об аресте¹. Российские судьи общей юрисдикции в этот же период удовлетворяли ежегодно на 5 % меньше ходатайств об аресте (в 2010 г. — 90 %, в 2011 г. — 89,2 %, в 2012 г. — 89 %, в 2013 г. — 90,7 %, в 2014 г. — 90,7 %²), нежели следственные судьи Литвы.

На подавляющее удовлетворение ходатайств об аресте следственными судьями Эстонии указывает исследование «Продолжительность ареста в 2015 году», опубликованное в журнале «Уголовная политика» № 4 за 2016 г. Согласно данному исследованию в этой стране в 2015 г. из 1 053 рассмотренных следственными судьями ходатайств прокуроров об аресте 1 010 (96 %) были удовлетворены, и лишь в 43 ходатайств было отказано, но 6 были затем удовлетворены в вышестоящем суде³.

С 2009 по 2015 г. в Казахстане досудебные полномочия выполняли судьи общей юрисдикции, результаты деятельности которых по удовлетворению ходатайств органов предварительного расследования фактически не отличались от результатов такой деятельности российских судей общей юрисдикции. В 2013 г. ими было удовлетворено 94,4 % ходатайств об аресте, в 2014 г. — 94,5 %⁴. Новый Уголовно-процессуальный кодекс в Казахстане, предусмотревший институт следственного судьи, был принят в 2014 г., а вступил в силу с 1 января 2015 г. Анализ статистических данных,

отражающих деятельность следственных судей по рассмотрению ходатайств об аресте, за период с 2015 по 2021 г. позволяет сделать вывод, что в среднем они удовлетворили 91,7 % ходатайств об аресте, а российские судьи общей юрисдикции за этот же период удовлетворили в среднем 90,2 % таких ходатайств. В период с 2017 по 2021 г. ходатайств о производстве обыска и выемки в жилище судьи Казахстана в среднем удовлетворили 96,2 %, а российские судьи — 95,5 %. В 2023 г. процент удовлетворения ходатайств об этих следственных действиях в Казахстане составил 97,2 %, а в России 95 %⁵.

С 1 января 2019 г. следственные судьи начали свою деятельность и в уголовном процессе Киргизии (ч. 2 ст. 31 УПК Киргизской Республики). В этот же год ими было удовлетворено 96,8 %, в 2020 г. — 96,2 %, в 2021 г. — 96,65 %, в 2022 г. — 96,84 %, в 2023 г. — 97 % ходатайств о производстве обыска и выемки, о проведении специальных следственных действий в 2019 г. — 95,3 %, в 2020 г. — 95 %, в 2021 г. — 96,4 %, в 2022 г. — 95,74 %, в 2023 г. — 96,26 %. Источник указанных данных не содержит сведений о проценте удовлетворения следственными судьями этой республики ходатайств прокурора об аресте. Но, учитывая, что ими было удовлетворено в 2019 г. 94,8 %, в 2020 г. 95,6 %, в 2021 г. 93,62 %, в 2022 г. — 92,62 %, в 2023 г. — 92,32 % ходатайств о продлении срока содержания под стражей, можно с высокой степенью точности предположить, что в пределах 90 % удовлетворяются и ходатайства об избрании этой меры пресечения. К тому же, доля этой меры пресечения среди всех мер пресечения, применяемых следственными судьями, лишь растет, как в абсолютном, так и относительном выражении. В 2019 г. она составила 5 124 (74,4 %), в 2020 г. — 6 206 (79,5 %), в 2021 г. — 6 974 (83,4 %), в 2022 г. — 7 407 (92,84 %), в 2023 г. — 8 237 (96,17 %)⁶. Результаты деятельности следственных судей в этой республике подвергаются резкой критике, в том числе со стороны представителей законодательного органа, сомневающих в целесообразности

¹ См.: Žmogaus teisės Lietuvoje, 2016—2021. URL: <https://hrmi.lt/wp-content/uploads> (дата обращения: 07.10.2024).

² См.: Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2010—2014 гг. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 07.10.2024).

³ См.: Urvo Klopets. Vahistamise keetus 2015. Aastal. Kriminaalpoliitika analüüs. 2016. № 4. URL: <https://www.kriminaalpoliitika.ee/sites/krimipoliitika/> (дата обращения: 07.05.2024).

⁴ Отчеты о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных дел за указанные годы. URL: <https://qamqor.gov.kz/portal/> (дата обращения: 07.05.2024).

⁵ Отчеты о работе судов первой инстанции Казахстана и России по рассмотрению уголовных дел за указанные годы см.: URL: <https://qamqor.gov.kz/portal/>; Судебная статистика РФ. URL: <https://stat.апи-псепс.рф/stats/ug/t/15/s/13> (дата обращения: 28.11.2024).

⁶ Информацию о работе судов Кыргызской республики за указанные годы см.: URL: <http://sot.kg/statistics/-main/index.php> (дата обращения: 28.10.2024).

его сохранения в уголовном процессе, на которую Председателем Верховного Суда республики Замирбеком Базарбековым был дан следующий ответ: «Сколько бы следственные судьи ни рассматривали дел, почти во всех случаях они их удовлетворяют. Моя позиция — следственный суд не оправдывает себя полностью»¹. Появились и статьи, в которых высказываются предложения об устранении этого института из киргизского уголовного процесса [9].

Статистика свидетельствует, что во Франции, как и в России, заключение под стражу широко использовалось в качестве меры пресечения в досудебном производстве. Так, с 1983 по 1985 г. наблюдался резкий рост количества задержанных лиц сроком до 24 часов и выше и лиц, заключаемых под стражу. Каждый год в этот период задерживалось более 300 тысяч лиц, а заключалось под стражу более 100 тысяч². Это явление негативно воспринималось обществом, что побуждало законодателя искать пути сокращения такой практики.

Законом № 93-2 от 4 января 1993 г. о реформировании уголовного процесса законодатель лишил следственного судью его полномочия самостоятельно принимать решение об аресте лиц, привлекаемых к рассмотрению (обвиняемых). В соответствии с этим законом данную меру пресечения по ходатайству следственного судьи мог применить председатель суда большой инстанции или назначенный им судья (ст. 15 закона)³. Порядок этот получил название «делегированных судей». Закон, как отмечает профессор Р. Ленуар, в судебском сообществе был воспринят негативно⁴. В результате просуществовал такой порядок в уголовном процессе Франции с 1 марта по 2 сен-

тября 1993 г., т. е. всего 6 месяцев. Закон № 93-1013 от 24 августа 1993 г. о внесении изменений в Закон № 93-2 от 4 января 1993 г. о реформировании уголовного процесса возвратил это полномочие следственному судье. В статье 135 УПК Франции законом были внесены изменения, в соответствии с которыми следственный судья обязан принимать решение об аресте в закрытом судебном заседании после состязательных прений, в ходе которых он заслушивает доводы прокурора, затем замечания подследственного и, при необходимости, его адвоката. Однако следственный судья не может немедленно распорядиться о заключении под стражу, когда подследственный или его адвокат требуют время для подготовки своей защиты. В этом случае он может посредством приказа, не подлежащего обжалованию, предписать лишение свободы лица на определенный период, который не может превышать четырех рабочих дней⁵. Так была внедрена в процесс форма состязательных прений, проводимых следственным судьей.

Но спустя 7 лет законодатель вновь лишил следственного судью этого полномочия, передав его законом № 2000-516 от 15 июня 2000 г.⁶ новому должностному лицу — судье по свободам и заключению. За следственным судьей было закреплено право обратиться к этому судье с ходатайством о предварительном заключении лица, привлеченного к рассмотрению (обвиняемого), и продлении срока действия этой меры пресечения (ст. 137-1 УПК Франции)⁷. Прокурор республики в случае разногласия со следственным судьей по вопросу применения к обвиняемому этой меры пресечения вправе обратиться к судье с подобным ходатайством (ст. 137-4 УПК Франции). В основном же прокурор инициирует необходимость избрания ареста в процедурах, не требующих производства предварительного следствия по уголовному делу (ст. 135-2). Это происходит при немедленном приводе в суд (ст. 396, 397-1-1, 397-7 УПК), а также явке в суд в случае предвари-

¹ Гуля Кожокулова сравнила следственных судей с аппендиксом. URL: https://kaktus.media/doc/475196_gylya_kojokylova_sravnila_sledstvennyh_sydey_s_appendiksom.html (дата обращения: 15.11.2024).

² См.: Tableau A1: Personnes mises en cause, garde à vue, personnes écrouées / Rapport commission de suivi de la Détention provisoire 2017—2018, avril 2018. P. 57. URL: <https://www.legifrance.gouv> (дата обращения: 07.03.2022).

³ Loi № 93-2 du 4 janvier 1993 portant réforme de la procédure pénale. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGISCTA000006093996> (дата обращения: 10.07.2022).

⁴ См.: Lenoir R. Droit pénal et droit civil. À propos d'une réforme de la mise en détention provisoire // Politix. Le pouvoir des légistes. 1995. Vol. 8, №32. Quatrième trimestre. P. 139—153. URL: https://www.persee.fr/doc/polix_0295-2319_1995_num_8_32_2094 (дата обращения: 17.03.2024).

⁵ Loi № 93-1013 du 24 août 1993 modifiant la loi № 93-2 du 4 janvier 1993 portant réforme de la procédure pénale. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT00000530523> (дата обращения: 15.07.2022).

⁶ Loi №2000-516 du 15 juin 2000 renforçant la protection de la présomption d'innocence et les droits des victimes. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte> (дата обращения: 17.12.2022).

⁷ Code de procédure pénale. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGITEXT000006071154/> (дата обращения: 17.02.2023).

тельного признания обвиняемым вины (ст. 495-10 УПК). И это право, как показывает практика, прокуроры используют довольно часто. В подобных случаях заключение под стражу выступает мерой, обеспечивающей явку обвиняемого в суд, а потому оно носит характер кратковременного задержания. Например, в 2018 г. в процедуре немедленной явки продолжительность предварительного заключения в среднем составила 0,4 месяца, а в ходе предварительного следствия — 8 месяцев¹. Потому есть смысл сравнивать статистические данные, отражающие применение предварительного заключения следственными судьями с данными, отражающими подобную деятельность судей по свободам и заключению под стражей. За период с 1994 по 1999 г. в среднем 89,6 % состязательных прений закончились принятием следственным судьей решений о заключении обвиняемого под стражу. За период с 2001 по 2011 г. уже судьей по свободам и заключению под стражу было закончено принятием решения об аресте обвиняемого в среднем 90,4 % таких прений². Не представляется возможным привести статистические данные, отражающие этот вид деятельности судьи по свободам и заключению в последующие годы, несмотря на предложение комиссии по мониторингу практики предварительного заключения, действующей при министре юстиции, включить их в отчеты, так как внедренная в 2011 г. во Франции автоматизированная система сбора и обработки статистических данных Cassiopee их не содержит.

Но и приведенные показатели — наглядное свидетельство того, что передача полномочия на принятие решения об аресте судьей, основная забота которого — защита прав личности в уголовном процессе, не изменила сложившуюся при следственном судье практику в подавляющем числе случаев завершать состязательные прения решением об аресте. Нельзя не заметить и того, что эти показатели практики ареста идентичны таким же показателям российских судей общей юрисдикции, у которых этот вид деятельности не основной.

¹ См.: Les chiffres-clés de la Justice 2020. URL: <http://www.justice.gouv.fr/art> (дата обращения: 10.07.2022).

² Tableau 5: Résultat du débat contradictoire et recours (cadres des parquets) // Rapport annuel 2013 Commission de suivi de la détention provisoire. P. 54. URL: http://www.justice.gouv.fr/art_pix/rapport_csdp_2013.pdf (дата обращения: 10.04.2022).

Теперь обратимся к судебной практике Австрии. В этой стране до 1 января 2008 г. предварительное расследование проводилось по образцу Франции. Дознание — полицией под руководством прокуратуры, следствие — следственным судьей, который и принимал решения об аресте и иных мерах, ограничивающих основные права личности в ходе производства по уголовному делу. В 2004 г. законодатель Австрии принял Закон о реформе уголовного процесса³, которую в этой стране называли «реформой века». В силу закон этот вступил с 1 января 2008 г.

Одна из основных задач, решаемых указанной реформой, — наделение прокуратуры и полиции полномочиями по производству предварительного расследования с упразднением института следственного судьи (по образцу Германии). Прокурор стал ее организатором и руководителем (ч. 1 § 4, ч. 1 § 20, ч. 1 § 101 УПК Австрии)⁴. Как заметил прокурор Зальцбурга Роберт Хольцляйтнер, изменилась парадигма деятельности прокурора, поскольку «все меры, даже нарушающие основные права, в основном осуществляются по приказу прокурора»⁵. В новых условиях прокурор при необходимости применения меры принуждения или производстве следственного действия свое решение формулирует в приказе, который направляет в земельный суд вместе с материалами уголовного дела, обосновывающими необходимость применения этих мер или действий (ч. 2, 3 § 101 УПК Австрии). В соответствии с ч. 1 § 31 УПК Австрии приказ прокурора и прилагаемые к нему материалы рассматривает единолично судья, которого именуют судьей по вопросам содержания под стражей и правовой защите (Haft- und Rechtsschutzrichter). В некоторых публикациях его именуют судьей по правам человека.

В УПК Австрии основания и порядок задержания лица по подозрению в совершении преступ-

³ Bundesgesetz, mit dem die Strafprozessordnung 1975 neu gestaltet wird (Strafprozessreformgesetz). Bundesgesetzblatt authentisch ab 2004. URL: https://www-ris-bka-gv-at.translate.google/eli/bgb/I/2004/19?_x_tr_sl=de&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru (дата обращения: 10.02.2023).

⁴ Strafprozessordnung Österreich. URL: <https://www.jusline.at/gesetz/stpo> (дата обращения: 10.02.2023).

⁵ Holzleitner, Robert 10 Jahre StPO-Reform — die Sicht der Staatsanwaltschaft // Journal für Strafrecht. 2019. Issue 4. S. 328. URL: <https://elibrary.verlagoesterreich.at/article/10.33196/jst201904032701> (дата обращения: 15.06.2022).

ления (Festnahme), предварительного заключения (Untersuchungshaft), условия содержания под стражей до суда, а также применения альтернативных мер принуждения регулируются в § 170—189. Не вдаваясь в их анализ, лишь отметим процессуальные особенности рассмотрения судьей приказа и прилагаемых к нему материалов уголовного дела. Срок рассмотрения судьей вопроса о применении к лицу, задержанному по подозрению в совершении преступления, меры пресечения в виде ареста составляет 48 часов с момента его доставления в следственный изолятор. В течение этого срока судья, если это необходимо по юридическим или фактическим причинам для принятия решения, может распорядиться о проведении дополнительных расследований уголовной полицией или провести их самостоятельно, руководствуясь принципом *ex officio*, если ожидается, что его результат окажет существенное влияние на оценку подозрения в совершении преступления или основания для предварительного заключения (ч. 2 § 105, ч. 1 § 174 УПК Австрии). Перед принятием решения судья допрашивает задержанное лицо относительно оснований, указанных в приказе прокурора в качестве аргументации необходимости применения предварительного заключения. Защитнику и прокурору предоставляется возможность принять участие в этом допросе. Закон, в случае согласия судьи с основаниями и мотивами для ареста, изложенными в приказе прокурора, не обязывает судью выносить процессуальный документ (приказ или постановление) о применении этой меры принуждения. В подобных ситуациях утверждение приказа прокурора происходит путем проставления на оборотной стороне процессуального документа прокурора служебного штампа с указанием даты утверждения, удостоверенной подписью судьи, указанием срока действия меры или иных обстоятельств (ч. 1 § 105 УПК Австрии). Процедура эта именуется *Stampiglienverfahren*. Например, на оборотной стороне приказа прокурора об аресте лица, обвиняемого в сбыте наркотиков, решение судьи представлено в следующей редакции: «Приказ прокурора об аресте утверждается по основаниям, указанным в приказе»¹. Отдельный процессуальный документ судья составляет только в том случае, если отказывает в разрешении применения меры принуждения или производстве следственного действия. Фактически

процедура эта тождественна существовавшей в Российской Федерации и других бывших союзных республиках процедуре санкционирования прокурором решений должностных лиц органов предварительного расследования о применении ареста и производстве следственных действий. Сами судьи в своих интервью такую форму принятия решения оценивают положительно. По заявлению одного из судей, он не понимает, зачем в отдельном документе повторять то, что по существу верно изложено в приказе прокурора². Но форма эта стала подвергаться критике, и, судя по содержанию публикаций, практика стала меняться в сторону вынесения судьями постановлений и при утверждении приказов прокуроров.

В ежегодных отчетах по безопасности не приводятся статистические данные, отражающие процентное соотношение между количеством поступивших в суды приказов прокурора об аресте и количеством положительно принятых по ним решений судей. В них содержатся только данные, отражающие общее количество лиц, ежегодно подвергаемых предварительному заключению. В исследованиях, посвященных предварительному заключению, их авторы отмечают, что с 2000 г. практика применения этой меры пресечения не претерпела изменений. Этот вывод соответствует официальным данным о числе ежегодно подвергаемых предварительному заключению лиц. Например, в 2001 г. следственный судья применил арест к 1 539, в 2002 г. — к 1 749, в 2007 г. — к 1 959 лицам, а судья по правам человека в 2009 г. — к 1 845, в 2010 г. — к 1 852, в 2015 г. — к 1 752, в 2019 г. — к 1 756, в 2020 г. — 1 512³, за 10 месяцев 2024 г. — к 1 808 лицам⁴. Судя по ответам австрийских прокуроров, судей и адвокатов на вопросы тех, кто анализирует практику применения этой меры пресечения, можно сделать вывод, что австрийские судьи по правам человека

² См.: Birklbauer, Stangl, Soyler [et al.] Die Rechtspraxis des Ermittlungsverfahrens nach der Strafprozessreform Eine rechtstatsächliche Untersuchung. Wien; Graz, 2011. S. 361—363. URL: https://www.parlament.gv.at/dokument/XXIV/III/272/imfname_231131.pdf (дата обращения: 15.04.2023).

³ См.: Sicherheitsbericht 2020. S. 178. URL: <https://www.google.com/search?q=23.+Sicherheitsbericht+2020> (дата обращения: 20.08.2024).

⁴ Verteilung des Insassinnen bzw Insassenstandes. URL: <https://www.justiz.gv.at/home/strafvollzug/statistik/verteilung-des-insassinnen-bzw-insassenstandes.2c94848542ec49810144457e2e6f3de9.de.html> (дата обращения: 05.11.2024).

¹ Anordnung der festnahme. URL: <https://docplayer.org/78611836-Anordnung-der-festnahme.html> (дата обращения: 01.07.2022).

утверждают подавляющее большинство приказов прокурора об аресте. Например, один из прокуроров в своем интервью заявил: «В течение последних 10 лет я этим занимаюсь и ни в одном случае не получил отрицательного решения в отношении конкретных ходатайств... никогда». Другой заявил: «Если у нас есть основания для заключения под стражу и мы указываем мотивы, то в 99 % случаев судьи используют эти основания для заключения под стражу, а заменяют его более мягкими мерами только в отдельных случаях». Третий: «В 95 % случаев, когда я ходатайствую о назначении предварительного заключения под стражу, оно будет назначено. Даже чаще». Четвертый: «Наша оценка при обращении за досудебным содержанием под стражей почти во всех случаях согласуется с оценкой суда»¹. Судьи в своих ответах подтверждают эти заявления прокуроров. Объясняют они это тем, что прокуроры работают хорошо, приказы их обоснованы, а потому случаев, когда они отказывают в утверждении приказов, не так много. В то же время как прокуроры, так и судьи скептически относятся к альтернативным мерам пресечения, считая их применение «рискованным делом», ибо они — ненадежная гарантия того, что обвиняемый не скроется от следствия и суда или не совершит новых преступлений. Как отмечают исследователи, на работы которых мы ссылаемся, официальных данных, отражающих практику замены ареста на более мягкие меры пресечения, не существует, но, как заявляют сами судьи в своих интервью, это бывает очень редко и в основном по делам несовершеннолетних.

В австрийском уголовном процессе домашний арест с электронным наблюдением — не самостоятельная мера пресечения, а один из способов реализации решения о предварительном заключении, наравне с помещением обвиняемого в следственный изолятор. Какой из этих способов применить, решает судья при утверждении приказа прокурора о предварительном заключении или по истечении определенного времени нахождения обвиняемого в следственном изоляторе. Потому домашний арест является альтернативным способом реализации меры пресечения в виде содержания под стражей, а не альтернативной мерой пресечения. Но даже такой способ реализации

¹ Hammerschick W., Reidinger V. Detour: Towards pre-trial detention as ultima ratio: 2nd Austrian National Report on Expert Interviews. Vienna, 2017. October. P. 62—63. URL: https://www.irks.at/detour/Uploads/2nd%20Nat%20Report%20AT_Fin%20for%20Web.pdf (дата обращения: 26.05.2023).

ареста судьи применяют в единичных случаях. В 2013 г. он был применен ими в 8, в 2014 г. — в 13, в 2015 — в 4², за 10 месяцев 2024 г. — в 5 случаях³.

Практика реализации австрийскими судьями досудебных полномочий, как и в других странах, подвергается критике, особенно со стороны адвокатов. По их мнению, с появлением судьи по заключению и правовой защите ничто не изменилось в вопросах, отнесенных к его компетенции, по сравнению с периодом, когда они были компетенцией следственного судьи. Судьи «штампуют» практически все приказы прокурора, искать отказы в их утверждении — что искать иголку в стоге сена. В подтверждение этого приводятся данные о том, что в 2019 г. судьями было одобрено 5 108 приказов прокурора об обыске жилищ, а отказано лишь в 58 случаях, в 2020 г. было одобрено 5 108, отказано в 44 случаях⁴. Эту образную оценку деятельности судей по утверждению приказов прокуроров вполне можно отнести и к другим следственным действиям. Например, в 2018 г. судьями Австрии было удовлетворено 9 534 (99 %) из 9 622, в 2019 г. — 9 380 (99 %) из 9 476, в 2023 г. — 7 301 (99,1 %) из 7 365 заявленных ходатайств о разрешении на получение информации о данных передачи сообщений, мониторинг сообщений и определение местонахождения технического объекта (ст. 135 УПК Австрии)⁵. Для сравнения: в России в 2018 г. было удовлетворено 242 786 (96,7 %) из 250 988, в 2019 г. — 259 619 (96,8 %) из 268 292, в 2023 г. — 244 801 (97 %) из 252 020 рассмотренных ходатайств о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (п. 12 ч. 2 ст. 29, ст. 186.1 УПК РФ)⁶.

²См.: Hammerschick W., Reidinger V. Detour: Towards pre-trial detention as ultima ratio. 1st Austrian National Report. Vienna, 2016. October. P. 25. URL: https://www.irks.at/detour/1st%20Austrian%20National%20Report_141216.pdf (дата обращения: 26.05.2023).

³См.: Verteilung des Insassinnen bzw Insassenstandes. URL: <https://www.justiz.gv.at/home/strafvollzug/statistik/verteilung-des-insassinnen-bzw-insassenstandes.2c94848542ec49810144457e2e6f3de9.de.html> (дата обращения: 03.11.2024).

⁴См.: Wenn Richter Razzien abstempeln. URL: <https://www.wienerzeitung.at/nachrichten/politik/oesterreich/2094827-Wenn-Richter-Razzien-abstempeln.html> (дата обращения: 11.01.2023).

⁵См.: Sicherheitsbericht, 2018, 2019, 2023. URL: <https://www.justiz.gv.at/justiz/daten-und-fakten/sicherheitsberichte.bc7.de.html> (дата обращения: 20.08.2024).

⁶См.: Судебная статистика РФ. URL: <https://stat.анип-пресс.рф/stats/ug/t/15/s/13> (дата обращения: 02.12.2024).

Проведенный анализ судебной практики разрешения ходатайств об аресте и производстве следственных действий в Российской Федерации и других странах позволяет сделать следующие выводы. Первый: величина показателей, отражающих результаты этих направлений судебной деятельности, во всех этих странах фактически идентична, независимо от того, какой судья принимает решения об этих мерах и действиях — судья общей юрисдикции, следственный судья, судья по вопросам содержания под стражей и правовой защите, судья по свободам и заключению под стражу.

Второй: если данные показатели остаются в этих странах неизменными на протяжении длительного периода, следовательно, они отражают реальную, а не мнимую потребность как следственных органов, так и самих судов в этих мерах и действиях, которую можно обеспечить только при сложившемся уровне удовлетворения ходатайств об аресте и следственных действиях. Снижение этого уровня чревато наступлением для

производства по уголовному делу негативных последствий, примером чему служит практика следственных судей Украины, которые после 2014 г. начали снижать процент удовлетворяемых ходатайств об аресте, доведя его к 2020 г. до 43,9 %; это привело к резкому росту числа дел, приостановленных в связи с тем, что лицо, совершившее преступление, скрылось. Если в 2014 г. по этому основанию было приостановлено 4 392 уголовных дела, то в 2020 г. вдвое больше — 9 657 дел [10].

Третий: если законодательными маневрами в виде передачи рассмотренных полномочий от одного судьи другому достичь цели сокращения практики подавляющего удовлетворения ходатайств органов предварительного расследования не удалось законодателю ни одной из указанных в статье стран, зачем же российскому законодателю вводить в уголовный процесс институт следственного судьи?

1. Петрухин И. Об эффективности судебного контроля за следствием и оперативно-розыскной деятельностью // Уголовное право. 2007. № 2. С. 91—94.

2. Ковтун Н. Н. Оперативный судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: фикция или конституционная, по сути, гарантия? // Государство и право. 2011. № 1. С. 60—69.

3. Смирнов А. В. Модели уголовного процесса. Санкт-Петербург: Наука: Альфа, 2000. 224 с.

4. Рябинина Т. К. Необходим ли российскому уголовному процессу институт следственного судьи? // Lex Russica. 2017. № 12 (133). С. 200—213.

5. Овчинников Ю. Г. О попытке введения следственного судьи в ткань современного уголовно-процессуального законодательства: подведение итогов дискуссии // Вестник Сибирского юридического института МВД России. № 2 (35). 2019. С. 135—139.

6. Созонов Т. И. К вопросу о введении института следственных судей в российский уголовной процесс // Вопросы российской юстиции. 2021. № 202. С. 398—404.

7. Даниленко И. А. Судья по предварительному следствию на примере опыта Италии // Вопросы российского и международного права. 2023. № 6А. С. 308—316.

8. Поликарпова О. С. Развитие процессуального статуса подозреваемого и введение института следственных судей — взаимосвязанные

1. Petrukhin I. On the effectiveness of judicial control over the investigation and detective activity. Criminal law, 91—94, 2007. (In Russ.).

2. Kovtun N. N. Operative judicial control in criminal proceedings in Russia: fiction or constitutional, in fact, is it a guarantee? State and law, 60—69, 2011. (In Russ.).

3. Smirnov A. V. Models of criminal procedure. Saint Petersburg: Nauka: Alpha; 2000: 224. (In Russ.).

4. Ryabinina T. K. Is the Russian criminal process in need of the institute of investigative judge? Lex Russica, 200—213, 2017. (In Russ.).

5. Ovchinnikov Yu. G. On the attempt to introduce the investigating judge into the content of modern criminal procedural legislation: summarizing the discussion. Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia, 135—139, 2019. (In Russ.).

6. Sozonov T. I. To the issue of introducing the institution of investigative judges in the Russian criminal process. Issues of Russian justice system, 398—404, 2021. (In Russ.).

7. Danilenko I. A. A judge of the preliminary investigation as an example of Italian experience. Issues of Russian and International law, 308—316, 2023. (In Russ.).

8. Polikarpova O. S. The development of the procedural status of the suspect and the introduction of the institute of investigative judges — inter-related prospects for improving Russian criminal

перспективы совершенствования российского уголовного судопроизводства // Российский следователь 2024. № 5. С. 23—28.

9. Иманкулов Т. И. Следственный судья в Кыргызской Республике как геополитический проект по сохранению институционального правового контроля за постсоветскими странами, подменяющий прокурорский надзор за следствием, противоречащий конституционным основам построения уголовного процесса в Кыргызской республике // Бюллетень науки и практики. 2024. Т. 10, № 2. С. 463—483.

10. Каретников А. С., Коретников С. А. Защита судом надлежащего порядка производства по уголовному делу // Администратор суда. 2023. № 1. С. 42—46.

Каретников Александр Сергеевич,
кандидат юридических наук, доцент;
karetnikovas@mail.ru

Коретников Сергей Александрович,
адвокат
Московской центральной коллегии адвокатов;
koretsergei@mail.ru

proceedings. Russian investigator, 23—28, 2024. (In Russ.).

9. Imankulov T. I. An investigative judge in the Kyrgyz Republic as a geopolitical project to maintain institutional legal control over the post-Soviet countries, replacing the prosecutor's oversight of the investigation, contradicting the constitutional foundations for the construction of criminal proceedings in the Kyrgyz Republic. Bulletin of science and practice, 463—483, 2024. (In Russ.).

10. Karetnikov A. S., Koretnikov S. A. Protection of the proper order of proceedings in a criminal case by the court. Court administrator, 42—46, 2023. (In Russ.).

Karetnikov Alexander Sergeyevich,
candidate of juridical sciences, docent;
karetnikovas@mail.ru

Koretnikov Sergey Alexandrovich,
barrister
of the Moscow central bar association;
koretsergei@mail.ru

Статья поступила в редакцию 02.02.2025; одобрена после рецензирования 12.02.2025; принята к публикации 14.02.2025.

The article was submitted 02.02.2025; approved after reviewing 12.02.2025; accepted for publication 14.02.2025.

* * *